

УДК 082

В статье представлена специфика нарративных способов понимания действительности в связи со способами обучения студентов в вузе; проанализированы основные составляющие способа обучения, направленного на порождение нарративного текста: смысл, время, невероятность, стабильность, идентичность и самоорганизация; выявлена важная роль нарративного понимания субъектом окружающей действительности.

Ключевые слова: психология понимания; обучение; нарративность.

The essay presents narrative means of understanding reality with regard to educational methods at higher school; analyses fundamental features and characteristics of this approach, such as meaning, time, improbability, stability, identity and self-organization; reveals the important role of narrative understanding of reality by a subject.

Keywords: psychology of understanding; education; narrativeness.

Т. В. Борзова

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

E-mail: borzova_tatiana@mail.ru

Нарративный способ понимания действительности

в контексте психологии понимания

(по материалам зарубежных источников)

Научная статья

T. V. Borzova

Far Eastern State University of Humanities

E-mail: borzova_tatiana@mail.ru

Narrative Means of Understanding Reality within a Context of Comprehensive Psychology (based on foreign research materials)

Scientific article

В последние десятилетия активизировались исследования по построению новых оснований постнеклассической психологии, позволяющие перейти к динамическим представлениям о человеке в связи с его неразрывным взаимоотношением с миром и другими людьми. Не случаен в этом контексте интерес к сфере нарративного отечественных и зарубежных ученых.

Цель статьи – представить особенности нарративных способов понимания действительности в связи со становлением учебно-познавательных мотивов в обучении студентов вуза в свете зарубежных исследований; проанализировать основные составляющие способа обучения, направленные на порождение нарративного текста: смысл, время, невероятность, стабильность, идентичность и самоорганизацию;

выявить важную роль нарративного понимания субъектом окружающей действительности.

Мы исходим из того, что нарративный текст может использоваться как средство понимания субъектом познания себя и окружающей действительности и в этом смысле он определяет важнейший вектор обучения студентов вуза, в котором непротиворечиво сочетаются нравственные, моральные, этические компоненты бытия человека в социуме.

При рассмотрении практических и теоретических оснований психологии понимания особое значение представляет изучение зарубежными исследователями соотношения структурных компонентов нарративного текста. Данное направление знания вызывает значительный интерес и в современной отечественной психологии.

© Борзова Т. В., 2015

На подступах к нарративной парадигме бытия человека

Все большее число зарубежных исследователей в своих работах рассматривают специфику нарративной парадигмы. Так, В. Краус [Kraus], К.-Д. Айхлер [Eichler], К. Реттгерс [Roettgers], С. Крамер [Kramer], Т. Рольф [Rolf], П. Велсен [Welsen], П. Кемп [Kemp] изучают возможности и границы нарративной этики, Н. Мойтер [Meuter] исследует структурные компоненты нарративного текста, Л. Тенгели [Tengelyi] изучает зависимость действий и последствий этих действий с позиций действующего субъекта, делая особый акцент на категории «ответственность» человека за свои действия, Д. Томэ [Thomae] пишет о положительных и отрицательных аспектах использования рассказа в жизнедеятельности человека, Д. Миис [Mieth] рассматривает нарративность в сфере значимости этики и эстетики и т. д.

Различные науки, например культурология, психология, педагогика и философия, «затрагивают» нарративность в связи с этическими вопросами о «правильных действиях», об удавшейся жизни человека. Проблемы нарративности связаны с представлениями о саморазвитии и идентичности человека. Именно перечисленные выше основания, по мнению Н. Тимер [Thiemer], создают плодотворную почву для создания герменевтических моделей бытия человека. В качестве «нарративов» могут выступать литературные истории (их содержание и их структурная связь), рассказанные, написанные и пережитые человеком события.

Необходимо отметить тот факт, что понятие «нарративность» становится все актуальнее в конце XX – начале XI в. в различных направлениях научного знания. По своему происхождению данное понятие восходит к исследованиям, связанным с традициями повествования, риторики и поэтики. Именно этим традиционным сферам понимания личности свойственно обращение к человеку, его отношениям и действиям, в которых передается мифическое, религиозное и культурное знание.

Если в ходе развития истории понятие нарративного потеряло свою значимость, то в XXI в. оно снова стало эксплицитным. Психологи, педагоги, этнологи, социологи и философы в значительной мере увеличили сферу применения нарративного текста. Так, например, в зарубеж-

ных исследованиях П. Кобли [Cobley, 2001], С. Тоденхаген [Todenhagen, 2002], М. Г. Бамберг [Michael, G. W. Bamberg, 2007], М. Рихтер [Richter, 2008], С. Шарфенберг [Scharfenberg, 2011], Х.-Дж. Шивер [Schiewer, 2010], С. Олшлегер [Oehlschlaeger, 2009], Даррел, Дж. Фашинг [Fasching, 2011], А. Кошорке [Koschorke, 2012], Г. Банита [Banita, 2012], Т. Мюллер [Mueller, 2012] и др. в контексте современных изменений в социуме отчетливо дает о себе знать нарративная парадигма бытия человека в социуме.

К числу работ, значимых для нашего исследования, относится работа Н. Мойтера [Meuter] «Geschichten erzählen, Geschichten analysieren. Das narativistische Paradigma in den Kulturwissenschaften» («Рассказ историй. Анализ историй. Нарративная парадигма в науках о культуре») [1], работа «Erzählen und Moral. Narrativität im Spannungsfeld von Ethik und Aesthetik» («Повествование и мораль. Нарративность в сфере значимости этики и эстетики») под редакцией Д. Миис [Mieth], в которой рассматривается значение рассказа в его этической релевантности [2]. Особого внимания заслуживает работа «Narrative Ethik: Das Gute und das Boese erzählen» («Нарративная этика: Добро и Зло повествуют») под редакцией К. Иостен [Joisten], посвященная всестороннему теоретическому и практическому анализу нарративной реальности [3].

В качестве структурных моментов нарративного феномена в исследовании Н. Мойтер представлены отличительные характеристики данного феномена: «актуальность-потенциальность, реверсивность-ирреверсивность, процесс-структура и начало-конец, на основе которых показывается, что истории есть самоорганизующиеся систематические связи смысла и времени» [1, с.152].

В исследованиях зарубежных авторов рассматриваются вопросы организации человеческого и исторического времени, образования и развития смысла, нарративной самоконституции в связи с действием, опытом и пониманием истории жизни, для идентификации «нарративного себя» [4–7].

Авторы, исследующие нарративность в различных ракурсах и аспектах тем не менее предупреждают о том, «что нельзя смешивать, уравнивать жизнь и истории» [8, с. 297], при этом истории жизни и литературные истории при всех

различиях взаимно обогащают свои структурные и пренарративные свойства для исследования изменяющейся личности в новых социокультурных условиях.

Следует зафиксировать тот факт, что явление нарративности до сих пор не вошло в основной тезаурус психологии личности, хотя и существуют достаточно продуктивные исследования зарубежных ученых.

Вместе с тем интерес к исследованию нарративного в связи с обучением возрастает, фиксируется частота использования данных понятий в самых различных контекстах, теоретических и методологических основаниях науки. Не случайно в психологической науке, педагогической психологии достаточно четко актуализируется стремление исследователей соединить свои научные основания с поисками смысла бытия человека, а для этого необходимо «вооружить» студента способом работы, направленным на создание нарративного текста. При этом учитывается, что «явления нарративности» помогают преодолевать такие бинарные и концептуальные оппозиции науки, как «познание – поступок», «академическая психология – прикладная психология», «житейская психология – научная психология» и т. д.

В зарубежной науке в исследованиях Эллоса Вильяма [Ellos William J., 1994], Поля Рикера (1996), Ньютона Адама Цахари [Newton Adam Zachary, 1995], Миис Дитмар [Mieth Dietmar, 2000], Мартинез Матиас [Martinez Matias, 2000], Шеффел Михаэль [Scheffel Michael, 2000], Егэр Фридрих [Jaeger Friedrich, 2004], Штрауб Юрген [Straub Juergen, 2004] и др. с особой отчетливостью исследуется проблема значимости рассказа в человеческой жизни. Данное направление работ важно для нашего обучения способу построения нарративного текста в связи с необходимостью поиска приемов и механизмов развития нового направления психологии – психологии понимания в обучении.

Так, например, в работе Н. Мойтера отмечается, что «истории состоят из селективного соединения элементов – событий и действий, следующих не просто случайно «друг за другом...», а «через друг друга...» [9, с. 45], то есть элементы нарративного (текста) связаны друг с другом смыслом (логикой), происходящим из селекции значимых для человека событий и действий.

При этом М. Мойтером подчеркивается дефициция нарративной истории как самооргани-

зуемой структурной связи смысла и времени. Понятием нарративности характеризуются «центральные качества и признаки этой связи» [9, с. 46]. Некоторые из них – смысл, время, невероятность, стабильность, идентичность и самоорганизация – будут рассмотрены ниже.

Нарративный способ понимания действительности в обучении

Важнейшим направлением развития студента в учебной деятельности является его способность осознанно создавать прогнозы развития тех или иных научных концепций, продуцировать тексты собственной жизни. Такие тексты, как правило, связаны с осознанием смыслов, складывающихся в различных ситуациях взаимоотношения человека с окружающим миром. Данная деятельность по созданию нарративных текстов позволяет субъекту познания определенным образом сохранять внутреннюю гармонию бытия, жизнестойкость, быть толерантным к неблагоприятным явлениям и событиям окружающего мира. Нарративный текст, создаваемый студентом, позволяет ощутить ему некоторое субъективное благополучие, которое рождается в результате серьезных переживаний. Особенностью нашей специально организованной деятельности является обучение студентов способу порождения нарративных текстов, в которых такие составляющие, как *смысл, время, невероятность, стабильность, идентичность и самоорганизация*, осознаются и учитываются студентом в процессе собственного обучения.

Смысл

Рассуждая о значении смысла в структуре нарративного, Н. Мойтер фиксирует: «Контакт с окружающим миром людей ... происходит в форме селекции. Воспринимается не все, а только выборочно из спектра фактического... Остальное остается невидимым... Человеческий контакт с окружающей средой отличает растущее расширение и отделение (*уход. – Т. Б.*) человека от непосредственных ситуативных условий. И для определения именно этого положения вещей используется понятие смысла» [9, с. 47].

Каждая история – это потенциальное явление, рождающее смысл. Из окружающего спектра действительности человек отбирает в процессе продуцирования нарративного текста то основ-

ное, что волнует его, заставляет анализировать события и явления окружающей жизни, а значит, наделять их смыслом.

«Переживание и действия означают всегда, что можно было бы прожить и совершить действие по-другому. Это означает, что смысл связан с основополагающим... и неотъемлемым опытом контингентности: то, что существует фактически, существует, но это могло быть и другим...

У мира смыслов, в отличие от простого окружающего мира, больше нет границ. Хотя, как и прежде, существуют ограничения реальности, но смысл и в этих ограничениях можно понимать каждый раз по-новому и по-другому.

Феноменологически смысл проявляется как бесконечный комплекс на указание перспектив, которые, тем не менее, интегрируются в единства. В смысловой сфере возможностей есть свои порядки, образцы, формы, предметы и т. д. Но их стабильность как раз контингентна (*произвольна*. – Т. Б.), и она должна сохраняться, вновь и вновь строиться заново или заменяться на другие порядки и формы» [9, с. 47].

В рамках нарративных подходов ответ на вопрос, почему истории генерируют смысл, становится достаточно четким: «даже если они все еще ориентированы на реальность, они не просто ее отображают, а создают свои новые перспективы. Наррации создают систематически опыт контингентности (*произвольности*. – Т. Б.); они ломают власть ситуативно-фактического. История – это возможность видеть мир по-другому и даже видеть другой мир» [9, с. 47].

Таким образом, никакая история не завершается с наступлением новой истории, все проблемы, противоречия историй, случившихся ранее, переносятся в другие истории, причем смыслы этих историй зачастую трансформируются и видоизменяются.

Время

«Истории организуют время и опыт времени. Решающим здесь является то, что речь идет о времени, наполненном смыслом... Базовая форма такого опыта – отличие между тем, что было прежде, и тем, что наступит позже. С помощью этого отличия образуется одновременно познание событий: события – это то, что располагается между предыдущим и последующим. Хотя сами события и исчезают постоянно и необратимо

в прошлом, их смысл все же является реверсивным (*обратимым*. – Т. Б.). Говоря по-другому: смысл может *растянуть* настоящее в прошлом (и будущем): продолжает сохраняться то, что было оставлено без внимания, окончательное завершение действия может быть отсрочено, история еще не закончена, событие может быть понято совсем иначе, оно может принять другой смысл» [9, с. 47–48].

«События жизни человека всегда движутся в этой сфере реверсивного смысла. На прошлые события постоянно накладываются новые значения... у событий нет идентичности вне их значения: прошлые события становятся постоянно новыми прошедшими событиями... Нарративности производят события, на которые мы можем сослаться новыми и уже другими историями – каждый раз по-новому и по-другому» [9, с. 48].

Невероятность

«При всей реверсивности смысла необходимо отметить, что также и полные смысла процессы нельзя повернуть назад. Но это означает, что именно они имеют направление. Начало и конец не взаимно заменимы, их различия создают структурную асимметрию – и между ними выстраивается еще большая невероятность. История начинается селективно с контингентного (*случайного, произвольного*. – Т. Б.) события. Что-то происходит, сначала без разницы что, но оно (*событие*. – Т. Б.) отмечает собой начало. Это событие становится исходным пунктом следующего события, которое подключается к селективности предыдущего и принимает его в свою собственную селекцию. ... Можно сказать: *output* каждого события становится *input* следующего события. Но история – не формальный ряд или цепь, в которую можно ввести по одному и тому же образцу одинаковые элементы, а динамическое развитие событий, в котором селективность каждого события «передается в наследство» следующему. И именно благодаря этому накапливается все большая невероятность. Когда человек вовлечен в историю, он уже скоро – через несколько *перенетий* – доходит до такого момента, который уже невозможно считать вероятным. И все же он результат смыслового процесса.

Наррации объясняют нам действительность и могут дать понять, почему существует

что-то такое, какое оно есть, даже если оно невероятно: это результат истории, так стало» [9, с. 48]. При этом учитывается утверждение Ю. Хабермаса, описывающего базис нашего восприятия моральных действий, «Кто слеп по отношению к моральным феноменам, тот слеп чувствами» [6, с. 142].

Стабильность

Стабильность нашей жизни состоит в том, что постоянно совершаем «поездки через империи добра и зла» [10, с. 201].

Передача времени и смысла, которую производят истории, происходит при образовании структур определенного рода. «Структуры – это повторяющиеся образцы и формы. Они регулируют и управляют селективностью процессов и гарантируют, несмотря на нереверсивность (*необратимость*. – Т. Б.) событий определенную реверсивность отношений. Если одна последовательность событий повторяется, то возникают локальные виды устойчивости. Эти виды устойчивости абсолютно необходимы особенно для специфически человеческого образа познания, которое отягчено проблемой контингентности (*случайности, произвольности*. – Т. Б.). Опыт, что все может быть иным, ведет к потере ориентировки. Структуры создают в сфере возможностей стабильность... Наррации производят такой образец и структуры или сами становятся «историями-образцами», по которым может ориентироваться наше переживание и действие... То, что структуры контингентны (*случайны, произвольны*. – Т. Б.), с этим человек учится справляться лишь со временем и благодаря историям (*через истории*. – Т. Б.)» [9, с. 48–49].

Идентичность

Нарративная идентичность формируется через рефлексивное обращение человека к самому себе в ходе приведения событий собственной жизнедеятельности к определенному порядку. Нарративная идентичность рассматривается как эмпирически доступный феномен, на основе которого в словесной форме создаются так называемые «конструкции идентичности», связывающие, с одной стороны, события жизни с опытом и временем, с другой стороны, с каноническими формами культуры.

Согласно концепции Н. Мойтера, «Нарративная стабильность – это «скелет» нашей идентичности. В биографических, автобиографических, литературных, исторических, терапевтических историях или историях, рассказанных и пережитых человеком, образуются и развиваются индивидуальные и коллективные идентичности. Связность жизни человека нужно понимать нарративно, эта связность соответствует единству рассказанной или поддающейся рассказу истории... Это есть не статичная, а динамичная идентичность, постоянно изменяющаяся, развивающаяся, содержащая в себе противоречия» [9, с. 49].

Вместе с тем необходимо отметить, что «без достаточной собственной идентичности невозможно охватить в идентичности другого человека. Особый акцент сделан на тезис о том, что «ценность другого человека есть ценность самого себя» [9, с. 53].

Символизация

Символизация в нарративном тексте представляет собой форму непрямого, косвенного представления явлений и событий окружающего мира. В процессе символизации происходит замещение одних образов другими образованиями, в структуре которых представлено незначительное сходство с первичными представлениями. Данное сходство основано на скрытом бессознательном психическом отражении жизненного опыта, на малосущественных, вторичных деталях. Символизация сочетается с неоднозначностью интерпретаций, требует учета всех допустимых значений символа, которые приобретают конкретное выражение в общем контексте защитных или адаптивных процессов.

«В определенной перспективе нарративность можно рассматривать как некоторую форму символизации. Как и все другие символические формы, ... она имеет неизобразительный характер. Истории представляют, репрезентируют и формируют действительность путем новой организации смысла и времени по-новому» [9, с. 49].

При этом Н. Мойтер подчеркивает, что истории воздействуют на нас эмоционально иначе, чем научные теории или понятийные аргументации. Они могут образовать высоко эмоциональ-

ный смысл, затрагивающий человека в глубинных составляющих его личности [9, с. 50].

Самоорганизация

Самоорганизация в нарративном тексте представляет собой процесс упорядочивания содержания жизненного опыта за счет понятных и доступных рассказчику смыслов, моделей бытия в социуме, собственных представлений и идей, зачастую «не имея каких-либо претензий на адекватность». Процесс самоорганизации нарративного текста обладает своего рода легкостью, с которой объясняются сложные жизненные события. Вместе с тем идея, вывод, к которому автор нарративного текста желает подвести, доступна только ему самому. Именно рассказчик является носителем знания о финальном аккорде текста.

Ведя речь в определении наррации как о *самоорганизующейся* структурной связи, Н. Мойтер подчеркивает, что «этот аспект определения нацелен на то обстоятельство, при котором ... реализованный в нарративных процессах смысл делает возможным тот факт, чтобы человеческие индивиды развивали в себе личность и к ним можно было обратиться как к субъектам – т. е. к действующим лицам события... Истории развивают на основе показанного «наследования» селективностей свою динамику, в своем роде собственную жизнь и уходят от контроля... Нарративность – это не реализация плана, а динамический процесс, развивающийся из своей логики и неуправляемый из-за своих *перепетий*. В начале никогда неясно, как будет выглядеть финал... В этом смысле истории всегда индивидуальны» [9, с. 50–51].

Таким образом, общее направление исследовательских работ, выполненных по проблемам понимания – это один из возможных ответов на вопрос, как сформировать личность, способную осуществлять в рамках поснеклассической рациональности текстовую деятельность в разных сферах коммуникации. Современному человеку следует быть прозорливым, мудрым, чутким, производя собственный непротиворечивый, диалогически направленный нарративный текст и понимая нарративную историю другого человека. Так, Л. Тенгели отмечает, что зависимость действия и последствий действия связана с позицией действующего субъекта, с ответс-

твенностью за свои будущие и актуальные действия [11, с. 63–69].

Авторство действий обязывает человека быть ответственным также и в тех случаях, когда невольные последствия намеренно совершенных поступков не в его власти, – это «основная дилемма человеческой свободы действия. Всевозможные рассказы и истории о действиях питаются этой основной дилеммой» [11, с. 71–72].

Заключение

Таким образом, в современном психологическом знании фиксируется усиление значения повествования (рассказа) как средства генерирования знания, осведомленности и трансфера этого знания в различные сферы бытия. Рассказывание рассматривается при этом как междисциплинарная категория, фиксируя внимание исследователей на так называемом «нарративном переходе», который в зарубежных исследованиях представлен как категория «narrative turn». Понятно желание педагогов высшей школы воспитать студента, который способен быть «нарративно открытым». Раскрытие же студентам сути структурных компонентов способа продуцирования нарративных текстов – это первый шаг на пути к достижению этой цели.

При этом нами учитывается, что содержание нарративного текста, согласно логике свободного выбора, есть описание самодетерминации личности на языке взаимодействия свободы, морали и ответственности.

Повествование тем самым рассматривается как развертывание культурной и социально-научной перспективы и представляет собой культурную и социальную практику, которая выходит за пределы литературы, учитывает особенности субъективных способов понимания действительности человеком в процессе обучения.

Ссылки

1. Meuter N. Geschichten erzählen, Geschichten analysieren. Das narativistische Paradigma in den Kulturwissenschaften // Handbuch der Kulturwissenschaften: Paradigma und Disziplinen, hrsg. von Jaeger. 2004. Vol. 2. P. 140–195.
2. Mieth D. Erzählen und Moral. Narrativität im Spannungsfeld von Ethik und Aesthetik. Tuebingen: Attempo. 2000. 269 p.

3. Joisten R. Narrative Ethik, Das Gute und das Boese erzählen. Berlin: Akad.-Verl., 2007. 309 p.
4. MacIntyre A. Der Verlust der Tugend. Zur moralischen Krise der Gegenwart. Frankfurt a.M., 1995. 15 p.
5. Thomä D. Vom Nutzen und Nachteil der Erzählung für das Leben. Berlin: Akad.-Verl., 2007. 23 p.
6. Habermas J. Kleine politische Schriften. Die nachholende Revolution. Frankfurt am Main, 1990. 193 p.
7. Blattner W. Life Is Not Literature // The Many Faces of Time / Ed. John Barnett Brough and Lester Embree. Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 187–201.
8. Thiemer N. Narrativität und Ethik. Ein bibliographischer Kommentar // Narrative Ethik: Das Gute und das Boese erzählen. Berlin: Akad.-Verl., 2007. P. 241–252.
9. Meuter N. Identität und Empathie. Über den Zusammenhang von Narrativität und Moralität // Narrative Ethik: Das Gute und das Boese erzählen. Berlin: Akad.-Verl., 2007. P. 45–60.
10. Ricoeur P. Das Selbst als ein Anderer, Muenchen, 1996. 201 p.
11. László T. Narratives Handlungsverständnis // Narrative Ethik, Das Gute und das Boese erzählen. Berlin: Akad.-Verl., 2007. P. 58–75.